

Культура

Роман Балаян пьет
из своего стакана

Виктор МАТИЗЕН

Фильмы Романа Балаяна не спутаешь с другими. Они могут быть более удачны, менее удачны или даже совсем неудачны, но в них есть особая, только им присущая атмосфера. Последняя на сегодняшний день работа режиссера — «Ночь света».

— Роман Гургенович, многие режиссеры, работавшие в советское время, даже столь разные, как Климов и Ростопкин, чувствовали, что бьются в стену, и разрушение этой стены казалось смыслом жизни. Но вот стена рухнула, и они растерялись. Нечто подобное говорили в начале 90-х и вы. Сейчас ваше мироощущение изменилось?

— Если честно, то мы выросли в клетке зоопарка и к воле не привыкли. И когда на голову рухнула эта воля — не свобода! — было непонятно, что с ней делать. Да, существовали старые замыслы, но все они так или иначе учитывали существование стены и не были рассчитаны на ее падение. Все тогда растерялись — и те, кто обеднел, и те, кто разбогател. Разве они могли знать, что с ними станет? Богачи не предполагали, что будут не спать ночами и бояться, бедные не предполагали, что лишатся сбережений и льгот... Переходное время — это соревнование, кто раньше скрутится. Очень многие из моих знакомых то ли делают вид, что переменились, то ли в самом деле переменились.

— А вы?

— Пусть это звучит пафосно, но я думаю, что не скрутился. Изменился — да. Может быть, даже в лучшую сторону... Теперь у меня больше возможностей кому-то помочь, и я их использую направо и налево, как будто на верстываю упущенное.

— Вам не по душе перемены в окружающих?

— Знаете, брюнетам не идут яркие одежды. Блондинам — идут. Если я выйду в желтой паре — буду, как попугай, а выйдет блондин — и нормально. Мы стали играть в ментальность, которая нам совершенно не идет. Жить, подражая кому-то, снимать кино, подражая кому-то. Отсюда и растерянность. О чем снимать? О том, что все плохо, а будет еще хуже? Это не интересно. О том, что в жизни много подлецов? Это не моя тема.

— Как вам удалось разбогатеть?

— Я не говорил, что разбогател, но, во всяком случае, чувствую себя состоятельным человеком. А зарабатываю на производстве телесериалов, будучи исполнитель-

ным продюсером. Имею столько, сколько раньше не имел, притом — в отличие от других исполнительных продюсеров — совершенно официально.

— Вы как-то сказали, что вам приятнее быть хорошим человеком, чем хорошим режиссером.

— Да, это то, что всегда мешало мне стать тем режиссером, которым я хотел бы быть. Считается, что хороший режиссер не может быть хорошим человеком, он должен топтать и давить, но я так никогда не мог. И получился тем, кем получился.

— Как правило, ваши фильмы далеки от современности и погружены в свой собственный мир. Кроме «Полетов во сне и наяву» и «Двух лун и трех солнц». Откуда эти исключения?

— «Две луны, три солнца» я снимал из-за денег — может, потому этот фильм от мира сего. Вообще-то, действие моих картин могло бы происходить и на Луне. «Полеты во сне и наяву» — плод воображения интеллигенции, которая жила при советской власти, как будто с петлей на шее. Она поняла фильм по-своему. Не без моего участия, конечно, потому что я все время твердил, что снял кино про себя, про Олега Янковского, про Виктора Мережко... Но большая часть зрителей поняла фильм не так, как мы. Я много ездил с «Полетами» по стране и слышал, что говорят простые люди: «Спасибо вам, что вы разоблачили этого подонка!». Я, естественно, помалкивал — коли уж им нравится фильм, зачем я буду говорить, что у меня о герое несколько иное мнение. На обсуждении картины в одном московском кино клубе на сцену высочилась какая-то беззубая старуха и заорала: «Вы кого защищаете?! Этого негодяя? Я его знаю — это мой зять, который ушел от моей дочери, скотина! Вы гениально вывели его на чистую воду, а теперь говорите, что он хороший?!» Мережко бросился было защищать героя, но я сказал: «Да брось ты, мы же не стадо, чтобы все мычали одно и то же. Благодарю человека, что он получил от фильма удовольствие да еще вышел со своим мнением...».

— Вам действительно приятно, что картину поняли с точностью до наоборот?

— Меня это забавляет. Смешно же, что у нас мою «Леди Макбет» не приняли, потому что я пошел против гениального произведения — у Лескова Катерина сначала убивала, а потом жалела, а у меня одновременно жалела и убивала — а вот иностранцы смотрели картину нормально, потому что не знали пер-

воисточник. Или вот про Алексея Панина, который сыграл у меня одного из воспитателей в фильме «Ночь света», говорят, что никакой он не воспитатель — типаж не тот. Судят эту роль по другим его ролям. Кино у нас воспринимают, как жизнь. А в Америке все знают, что кино — это неправда.

Разность восприятий — интересная вещь. Мне один француз объяснял, за что они любят Достоевского — совсем не за то, за что мы. Вот Настасья Филипповна бросила деньги в огонь, а Ганя Иволгин упал в обморок, но не бросился их подбирать. «Как можно так поступать с деньгами?!» — изумлялся француз. — Они же кем-то заработаны!». У нас вызвал бы презрение тот, кто бросился в огонь за деньгами, у них — тот, кто бросил деньги в огонь. Они поражаются непредсказуемости русского человека, потому что в цивилизованных странах человек предсказуем. Этим мы им интересны. Хотя самобытность — палка о двух концах. Один мой товарищ, блистательный режиссер, считает, что если наши крестьяне грызут семечки, то это не просто семечкогрызение, а целая философия.

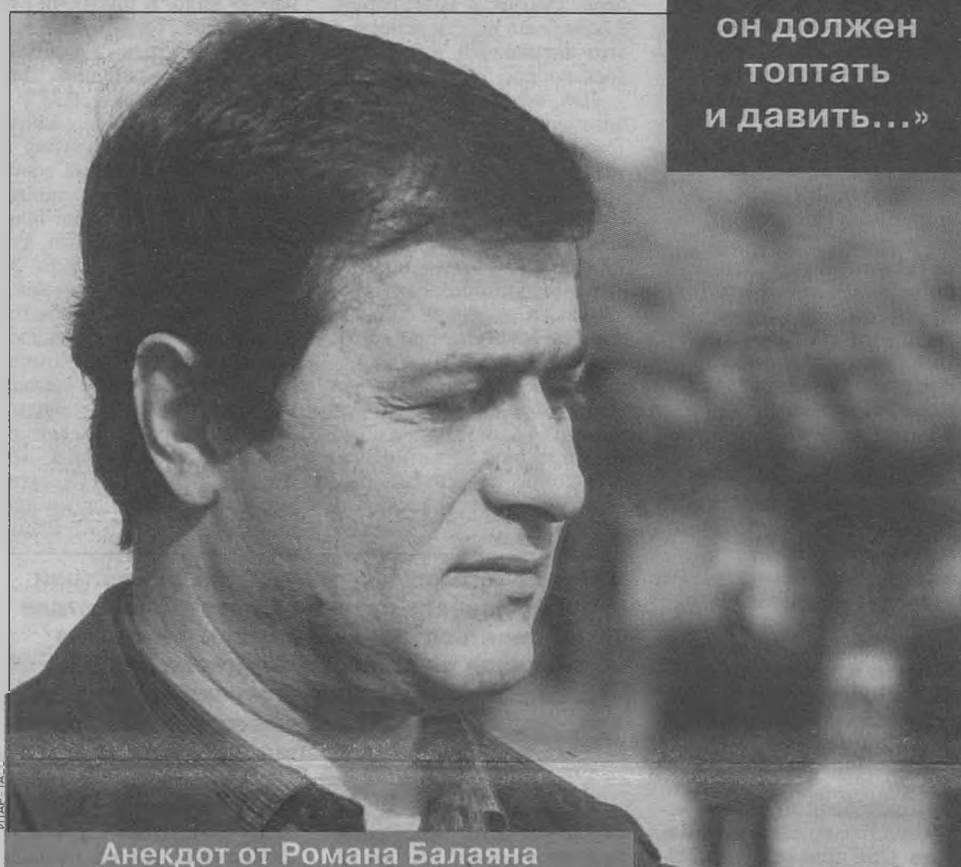
— Кажется, я тоже знаю этого режиссера...

— Давайте сохраним его анонимность. Считать лугзана семечек признаком особой культуры — то же самое, что считать культурой сортир во дворе. На Западе бытовая цивилизация есть в каждом доме, так же, как и старый сад. А что делают наши богатые люди? Сажают сразу большие деревья — не хотят ждать, пока вырастут. Чтобы здесь и сейчас. Но это же суррогат. Знаете, кстати, как отличить копию картины от оригинала? По энергии, которую излучает холст. Ведь даже самый бездарный художник все равно думает, будто он что-то собой представляет и вкладывает безумную энергию в свою картину.

— Какая же беда в суррогатах?

— Беды нет, просто обидно, когда людям нравятся суррогаты. На «Кинотавре» я сижу на просмотрах в окружении сочинской публики. Часто замечаю, что с художественной точки зрения фильм не выдерживает никакой критики, а они радуются, хлопают. С одной стороны, мне обидно, что им нравится так плохо сделанное кино, а с другой стороны, я же вижу, что они радуются той мысли, которая есть в картине, а в этой мысли ничего плохого нет — добрая, хорошая мысль. Есть фильмы, на которые не стоит нападать.

— Согласен. У нас делается



Анекдот от Романа Балаяна

«На премьере «Каштанки» в Доме кино я представил картину и вышел прогуляться. Заглянул в бильярдную. Вижу, какой-то мужик азартно гоняет шары. Когда фильм закончился, ко мне подходит какая-то дама и говорит: «Спасибо вам огромное! Нам с мужем так понравилось!». А муж скромно стоит рядом — тот самый мужик, что гонял шары. Я ему говорю: «Простите, а разве не вас я видел в бильярдной?». А он отвечает: «Это не потому, что мне ваша картина не понравилась. Ну не могу я смотреть, как собак топят!».

довольно много картин, которые просто не заслуживают внимания критики. Продюсерам и режиссерам лучше пускать их мимо журналистов — прямо в прокат. Но у них же художественные амбиции! Пропихивают свои изделия на фестивали, критики вынуждены смотреть. Смотрят и плюются, а потом на пресс-конференциях вываливают на съемочную группу свое раздражение от просмотра. Закон Ньютона — критическое противодействие в ответ на противоэстетическое действие. В результате столкновения вырастает количество негативной энергии. Кому все это надо?

— Есть обратные примеры. Когда картина прекрасна, но людей задевает ее направленность. Помните, как приняли «Москва слезам не верит»? Только два режиссера поддержали картину — я и Никита Михалков. Потому что были потрясены тем, как Меньшов ее сделал. На нас наезжают: «Вы что же, не видите эту конформистскую концепцию?! Или согласны с ней?!» Да видим, видим. Но как можно не замечать режиссерского мастерства? Да и что в «Москве...» плохого? Народ хотел сказку, и дали ему сказку. А мы что ему давали? Отражения больного

сознания, типа «Полетов во сне и наяву». Да зачем народу эти полеты?

— Я, кстати, не считал никогда, что это сказка. Сказка — это «Кубанские казаки». А «Москва слезам не верит» — довольно-таки реалистичное кино. Там один сказочный герой — слесарь Гоша, но Баталов так хорош, что на этом не застреваешь. У вас, между прочим, тоже есть сказочный герой — Абдулов в «Храни меня, мой талисман». Он же, по моему, единственный в ваших фильмах отрицательный герой.

— Я не люблю вставать на сторону своих героев. Не люблю судить и укорять. Абдулов в «Талисмане» — особый случай. Это дьявол. Но не испытатель, а испытатель. Он испытывает героя Янковского. Оскорбляет его жену, провоцирует дуэль и смотрит: сможет тот в него выстрелить или нет? Между прочим, начальство мне предлагало, чтобы Янковский выстрелил и убил Абдулова! Я наотрез отказался. Как может интеллигентный человек на такое пойти?! Алексей Герман, единственный режиссер, который похвалил «Талисман», тоже говорил мне, что ждал выстрела и был поражен тем, что герой вместо

«Считается, что хороший режиссер не может быть хорошим человеком, он должен топтать и давить...»

этого упал в обморок. «Как ты это придумал?!». А я ничего не придумывал — я знал, что он не может убить.

И вот еще что — к вопросу о культуре народа. Карамзин выступал против реформ, так как считал, что без просвещения народа реформы обречены. А наши умники-реформаторы талдычат свое...

— Помните, вы говорили, что ничего не читаете и цитатами свою речь украсить не можете. А тут вдруг Карамзин.

— Ну вы же знаете, что никакое публичное выступление никогда не может быть до конца искренним.

— Как вы относитесь к тому, что самым громким вашим фильмом остаются «Полеты во сне и наяву», снятые 21 год назад?

— Знаете, есть такое выражение: «Мой стакан маленький, но я пью из своего стакана». Есть Шарль Азнавур — голос у него негромкий, но тембр потрясающий, я уж не говорю о содержании. Я по возрасту и биографии не могу конкурировать с новыми режиссерами и не стремлюсь к этому. Но у меня есть свой тембр. Может быть, он устарел, но мне это не мешает. Я не пытаюсь показать, что я больше, чем я есть. Конечно, я бы хотел снять картину, которая бы нравилась всем, да и какой режиссер этого не хочет? Но, возвращаясь к началу нашего разговора, самое для меня важное — достойно прожить жизнь. Чтобы никто не мог рассказать твоим детям и внукам про меня что-то такое, чего бы им пришлось стыдиться.